

Великое знамение великого времени

Мне часто доводится выезжать на гастроль в оперные театры страны, выступать в концертах на самой далекой периферии. Со многими людьми встречался я во время этих поездок. И сейчас, восстанавливая в памяти свои беседы и наблюдения, я нахожу в них нечто общее — ту характерную приметку времени, которая будет, наверно, далеко не безразлична будущему историку советской культуры. Это «нечто» — творческий рост нашего музыкального театра, его людей, повсеместный рост музыкальной культуры, приобщение к ней огромного числа слушателей. Оно видится во всем: в оперных постановках, созданных где-то на краю нашей большой советской земли — в Средней Азии; в новой оперной культуре Урала и Сибири, в симфоническом концерте где-нибудь в Бурят-Монголии. В них находишь те же приметы времени, те же знамения содружества братских искусств, то же плодотворное влияние классической и современной русской музыки на развитие и формирование самобытного музыкального искусства в наших национальных республиках.

Когда «Евгений Онегин» Чайковского впервые зазвучал на казахском языке, местная газета писала: «Каких-нибудь двадцать пять лет назад в Казахстане среди тысячи человек едва можно было найти двадцать, которые могли бы прочесть книгу. А сейчас казахи ставят Пушкина и Чайковского! Нет, это не чудо свершилось, а советская власть принесла ранее забитому, обездоленному народу радость и счастье приобщения к большой человеческой культуре».

Первые спектакли «Онегина» шли с дирижером проф. Г. Столяровым, приехавшим, чтобы помочь казахскому коллективу воплотить на сцене своего национального театра произведение великого русского композитора. Артистка Куляш Байсеитова, которая уже завоевала признание народа за созданный ею правдивый образ казахской девушки Кыз Жибек, оказалась прекрасной Татьяной.

Шли годы. Репертуар театра обогатился и новыми казахскими операми и классическими произведениями: «Демон» Рубинштейна, «Русалка» Даргомыжского, «Трубадур» Верди, «Галька» Моношюко... Сравнительно недавно осуществлена постановка оперы Доницетти «Дон Паскуале».

Не является ли одним из конкретных проявлений культурной революции в нашей стране то, что таджикский певец Р. Толмасов исполняет партию Онегина, что в театре, выстроенном в Сталинабаде — бывшем кишлаке, ныне столице республики, идут произведения Римского-Корсакова и Верди? Я слышал, как лауреат конкурса вокалистов на молодом фестивале в Будапеште Асад Азимов пел на сцене ташкентской оперы Ромео в «Ромео и Джульетте» Гуно.

Все они работают в своем родном городе, в родном театре, и поэтому у них иное отношение к работе, огромное чувство ответственности перед своим зрителем и слушателем.

Э. Айрапетянц и И. Абдуллаев — дирижеры, которых я узнал в Сталинабаде, горячо и верно любят город и без всяких клятв верности никогда, конечно, не покинут свой театр и свой оркестр. Мне довелось петь в «Травиате», которой дирижировал И. Абдуллаев, в «Парской невесте» и «Риголетто», которыми ди-

рижировал Э. Айрапетянц, и я могу засвидетельствовать, что их искания, их новые постановки и новые концертные программы удаются еще и по той причине, что каждая новая работа для них — дело чести, профессиональной и личной.

И не только «непосредственно на производстве» — в рабочих репетициях и спектаклях видишь рост их творцов и участников. В свободный час перед началом представления сталинабадские артисты, не только оперные, но и драматические, заставляли меня рассказывать о работе над образами Ленского, Альмавивы, Герцога под руководством Константина Сергеевича Станиславского и Леонида Витальевича Собинова. Самые разнообразные вопросы моих собеседников говорили, как пытлива их мысль, как много они знают в области теории и практики советского театра, как часто задумываются над применением системы Станиславского в своей повседневной работе.

Многому учат и нас такие встречи. Я уж не говорю о мастерстве, и притом все растущем мастерстве многих периферийных артистов, дирижеров, режиссеров, которые способны весьма обогатить творческий опыт москвичей, подсказать им новые мысли, натолкнуть на новые решения. Я хочу подчеркнуть сейчас заслуживающую всяческого внимания, поддержки и поощрения работу периферийной оперы над расширением репертуара.

Саратовский театр воплотил на своих подмостках «Золотого петушка» Римского-Корсакова, впервые в Советском Союзе Новосибирский театр поставил оперу венгерского классика Ф. Эрделя «Банк бан», а Куйбышевская опера тоже первой в СССР поставила «Симона Бокканегра» Верди! Если в Молодове идет «Вертер» Массне, а в Горьком — «Нижегородцы» Направника, «Юдифь» Серова, «Бал-маскарад» Верди и «Скупой рыцарь» Рахманинова, то все это, несомненно, свидетельствует о плодотворности исканий театров, и все это содействует большому творческому росту коллективов и каждого исполнителя.

Национальные театры расширяют и разнообразят свой репертуар, проявляя творческую смелость. «Страшный двор» Моношюко в Минске, «Шах Сенем» Глиэра, «Флория Тоска» Пуччини и «Алмаст» Спендиарова в Ереване, «Даиси» Палиашвили в Тбилиси доказывают, что эти театры имеют собственную репертуарную линию.

Знаменательный факт в жизни наших театров — создание нового, национального оперного репертуара.

Тот, кто видел, например, башкирскую оперу уфимского композитора Закира Исмагилова «Салават Юлаев» или башкирский балет Л. Степанова «Журавлиная песнь», вряд ли мог остаться равнодушным. Не вдаваясь в подробный музыкальный анализ этих сочинений современных нам авторов, отметим лишь главное: характер, интонационный строй, ритмический рисунок основных мелодий у них, несомненно, локальный, башкирский. В то же время музыка их полна широких реалистических обобщений, большой образной силы, драматической выразительности. Создать такую самобытную национальную музыку помогла композиторам верность традициям русской

классики, знание фольклора и, несомненно, постоянное общение со своим театром.

Но не только национальной оперой живут коллективы национальных республик. Ташкентский театр едва ли не единственный в Союзе вспомнил о прелестной опере Чимароза «Тайный брак», об «Искателях жемчуга» Бизе.

Можно было бы написать специальную большую статью о том, как изменились наши зрительные залы, как демократизировался их состав.

...Сегодня я пою в бурят-монгольском шахтерском городе Гусино-озерске, и, несмотря на то, что афиша о концерте появляется лишь в полдень, а к вечеру — уже аншлаг, люди все идут и идут в надежде как-то проскользнуть в зал, чтобы услышать классическую вокальную музыку.

Наша публика необычайно чутка, благодетельна и взыскательна. Она понимает все: и когда артист излишне волнуется, и когда ему легко петь. Она сразу же реагирует, когда ему удастся достичь столь желанного контакта с залом. Зрителя покоряет правда, и когда артист достигает ее, он испытывает глубокую радость творческого удовлетворения.

Лучшая награда за труд артиста — сознание, что его искусство необходимо людям. То, что я испытал, когда двадцать лет назад пел в первом клубе Магнитогорска и зал был полон людьми, еще жившими в землянках и бараках, но спешившими на концерт, как на большой праздник; что пережил, выступая с симфоническим оркестром в Ворошиловграде; что почувствовал в партии Ленского, исполненной в русской опере на сцене таджикского театра, — на всю жизнь останется самым радостным воспоминанием: то были минуты высшего счастья, какое только дано артисту, — минуты сознания полной слитности с образом, с музыкой и с тем, кто тебя слушает. И нет ничего лучше, чем, приехав в театр любой национальной республики, выступив с периферийными артистами в любом городе, «вдруг» ощутить и понять их огромный творческий рост, огромный культурный рост слушателей и почувствовать, что и ты растешь вместе с ними, вместе со всей страной.

Я видел, как к Сталинабадскому театру подъезжали грузовики и автобусы, полные колхозников из дальних районов. Хлопкоробы, бахчеводы, чабаны приехали слушать концерт национальной музыки.

Кто мог представить себе 39 лет назад симфонический концерт в маленьком городке Луганске или оперу в шахтерской Юзовке? А нынче ведь никого не удивляет, что на Украине, в большом городе Ворошиловграде, бывшем Луганске, отличный дирижер Николай Юхновский исполняет произведения Верди, Массне, Римского-Корсакова, Шостаковича и Прокофьева, а под аккомпанемент симфонического оркестра солист поет для угольщиков, металлургов, тепловозостроителей самую высокую классику; она встречается громом аплодисментов, и из публики подают записки, требующие исполнения Доницетти, Россини, Вебера...

И в самой обыденности этих фактов, которые сегодня по-особому ярко освещены грядущим праздником 39-й годовщины Октября, — великое знамение великого времени.

Анатолий ОРФЕНОВ,
заслуженный артист РСФСР.